

Елена Игнатова

СТИХОТВОРЕНИЯ

РАННИЙ СНЕГ

С такою радостью встречаю ранний снег...

О, ранним снегом зверь босой
Хворает. Мерзнет птица,
Когда пустынной полосой
Над ними осень мчится.
Шумит осенняя гроза,
Кружит над нашим фетром
И беззащитные глаза
Забрасывает ветром.

О, ранним снегом по полям
Дичась, свобода кружит.
Слеза коровья по губам
Катясь, сползает в лужу.
Животным тягостна зима:
Ведь до весенних пахот
Им жить в сарае. Там тюрьма
И некрасиво пахнет.

Петух прилежно на снегу
Разыскивает зерна.
Застыла осень на бегу,
Пустынно и просторно.
Прислушайся — в лесу гремят
Охотники с рассвета,
И пес — звериный ренегат —
Пускается по следу.

Благослови зверей, Господь,
Нам не стоять у гроба
Тех, чья безропотная плоть
Убита нашей злобой.
Еще благослови детей
За судеб их неточность,
Пусть наших горестных путей
Они ногой не топчут.

И нас благослови, Господь,
Хоть убиваем зверя,
За то, что тяжело живем
И тайно в смерть не верим,
За то, что нам детей растить,
Что старимся нелепо,
За то, что не умеем жить
Как снег — легко и слепо.

х х х

Когда на деревню плещет гроза кипятком,
Берег разбила река, и повалено жито,
Бьет Илия-пророк по облакам молотком,
А облака грузны, градом набиты.

Но открывается короб небесных сластей:
Поле согреет, лесные гостинцы тешат,
И Богородица нежит небесных детей,
Чинит рубахи им, мягкие волосы чешет.

Малым на радость Нисский рисует в полях
Скользкий закатный воздух, потные крыши...
Как молоком наливается к ночи земля,
Месяц прозрачный. И самолет — повыше.

х х х

"Ну, вперед! Савраска, трогай..."
Тот же путь и тот же гнет,
Вечной русской дорогой
Жизнь мою перечеркнет.

Будет хлеб да горстка соли,
Материнства свет и гнет.
Пыль да поле. Снег да поле,
Да лошадки злой хребет.

И когда, в какой дороге —
(Горький час — окончен труд)
Те, некрасовские дроги
Жизнь мою пересекут.

Я увижу мертвый иней,
Белый взгляд из-под платка...
"Сыне, покидаю, сыне!"
Под половию. На века.

СТИХИ О МУЗЫКЕ.

1.

Зачем свирель доносится в окно,
И разве могут певчие сосуды —
Все дудки, желобки, сверкающие блюда —
Вместить души печальной пение, покуда
Ей выздороветь не дано.

О чем свирель у путника поет?
Он покидает дом гостеприимный,
И девушка счастливо и повинно
Глядит в глаза, тугие косы вбьет,
Волну волос деля на половины.

И где свирели место в этот час,
Когда дуга полна живым кипеньем,
Когда душе не занимать терпенья,
И девушка, пьяна лукавым пеньем,
Спешит домой, не замечая нас.

2.

Итальянец Марчелло, ты сладостным воздухом дышишь,
То бжеенье воды ключевой, то посвист пастуший услышишь,
То подругу окликнешь, а голос потонет в тумане,
То припомнишь, как ветер гуляет в дырявом кармане.

Как весело на реке, как трава под косою захлебнется,
Тотчас векрыкнет гобой и валторна ему отзовется,
"Кто полюбит мое почерневшее грубое тело?" —
спросит полночь у сада. А голос ответит: "Марчелло".

Кто Марчелло полюбит? Чье сердце затронешь, бедняга?
Ты у дома стоишь, но не сделаешь к двери и шага:
То поденщик поет, то красотка крадется от мужа...
Мимо, мимо... Как больно! И музыка кажется вчуже.

х х х

Слепой пастух и каменные овцы,
Дымят овраги, вырытые солнцем,
Праматери-земли по ним стекало млеко —
Вот наших судеб край: овраги да колодцы,
Мечи овечьей стойкое бодотце,
солончаки да степь... и до скончанья века.

Наверно, души те, что выгнаны из плоти,
Здесь коротают век в забвеньи и премоле
До новой брешности, до будущей тюрьмы,
Заквашат молоко для старика слепого,
Овечьи шерсть прядут... и забывают слово,
Пестилой речи плен, в котором вечно мы:

"Земля, не отнимай моих любимых!
Вода, не отбирай моих любимых!
Пойдет моя душа, растеряна и боса,
Туда, где есть подружки ей, спеленут сыр травой,
Старик кивает мертвой головою,
Солончаки в степи, как пыльные колеса..."

х х х

Вот и ты возвращаешься в благословенную землю,
Пахнет воском и вереском в старых московских церквах,
Там, где у Богородицы плечи в узорных длатках,
Где прилежные лица святые к высотам поднимают,

Где багровое золото гневно горит в небесах,

Да, и ты возвращаешься, перегорев до конца,
Ничего не жалея из жизни, разменянной мелко..
Вот я — наг и безроден. Материнские плечи померкли
И печалью полна драгоценная чаша лица.

Возвращаешься в трудный круговорот бытия,
В жернов мельничный. Гулит вода, уходя из запруды,
Мальчик гонит козленка, и мать его шьет у ручья,
И тяжелого света стекает на жернов струя —
Все — в начале пути, в ожидании чуда.

СТИХИ К РОЖДЕСТВУ

Когда волхвы не зажигали свеч,
Толпились робко, зябнули у входа,
Когда уже затих младенца плач,
И смущена, еще бледна от родов,
Молчала мать, — склоненная к Нему,
То мирный хруст овса, дерев ночных скрипенье,
Да мерный снега ход, да в котелке кипенье —
Вот звуки первые в младенческую тьму.

Когда под нищий свет одной свечи
К босым ногам Марии, на солому,
Сложили свитки шелка и парчи,
Сосуд серебряный склонили к золотому —
Заплакала Мария, не стыдись:
Залог Его пути, дары сверкали жестко,
Казались щеки детские из воска,
Крестообразно тень кидала коновязь.

Мария плакала. И Рождества звезда
Спустилась низко в небе. И с поклоном
Волхвы простились. Длинная чреда
Усталых всадников тянулася по склонам,

Метель водила по снегу пером...
Но был спокоен вид и выдох детский,
И праздник звезд над краем Вифлеемским —
Все детством показалось и добром.

О, Рождества блистательный приход!
Бессмертного младенца пеленанье!
Земля, как роженица, Сына ждет —
Метели вой, разверстое дыханье,
И полночью с холмов стекает пот.

Там, за стеною, в ледяной пыли —
За небесами, за звездой алой —
Глаза другой роженицы-земли
Следили и счастливо, и устало,
Не веря обновленью своему.

"Смотри, Мария, видишь, голубица,
Как счастливо земля себе цивится,
И это чудо — Сыну твоему..."

х х х

Медногубая музыка осени. Бас-геликон
Кружит медленным небом. И колеблем, осыпан листвою,
Проилывает военный оркестр в мокром воздухе по-над землею,
Чуть повыше дождя занесен, накренен.

Скажет музыка: "О-о", и отступит фонтанов вода.
Так застыли тритоны, что губы у них леденеют —
Не сомкнуть, не ответить оркестру... Он медленно реет,
Медью призрачной греет. Дрожит за плечами слюда.

Чтож, российский Версаль? Нам достались из той стороны
Этот парк щегольской, да надрывное слово "блокада",
И не кроны деревьев — голодные ребра войны,
Не Эоловы арфы, а песня смертей и надсада.

Сует дождик — и плачу... И с криком летит "метеор"
Вдоль оставленных парков. Угромо спешат экскурсанты
Мимо братской могилы фонтанов, каскадов, озер,
Мимо — музыки вниз головой — растворенных дождем оркес-
трантов...

СТИХИ ЛЕТНЕМУ САДУ

1

Ты зачем, Летний Сад, припадаешь к губам,
В полоненьи души обретаешь свободу.
Кроме голоса, что я тебе передам?
Но тебя обучает жестоким стихам
Ветер, что разорвет древесные своды.

Начинается утро корявых небес,
Облака поражает припадок боязни.
Здравствуй, здравствуй, зверинец постылых чудес —
Чугуна тирания и каменный лес,
Мы готовы для праздничной казни.

Начинается утро и сад освещен,
Он кренится к воде в исподинском замахе,
Он сверкает как лезвие над палачом,
Но мы неуязвимы, мы тоже живем,
И в Неве не полощем смертельной рубахи.

х х х

Окостенелый свет расправлен в декабре,
Леса огслены и встали без дыханья,
И в длинной полынье на утренней заре
Волос безжизненное колыханье.

Угольного врачка движенья неживы
И тени на лице на смертные похожи.

Блестящий низкий лоб и скулы монгольских швы
Меж черною водой и ледяною кожей.

Восходит нежный пар — дыханья волокно,
Колеблет волосы подводное движение...
Лежит российская Горгона — ей темно
И тонкой сетью льда лицо оплетено,
И ужаса на нем осталось выражение.

х х х

Пустоты полночи. Земля перепревать ложится.
Лист налитой на землю пал.
Фонарик мрака — в небесах мерцает птица,
И коротко блеснет, боясь упасть в канал,
Где света нет. Теперь сырой туман
Стекает по садам на каменные лица.

Пустоты полночи. В густой воронке света
Прохожий — скармливает женщине тоску,
Слова расслаблены, дымится сигарета,
В плаще блестящем он подобен мотыльку,
Что к лампе прилетел и требует совета.

Что делает поэт в печальный час теней?
В Неве ночных огней качаются обмылки...
Он из дому идет, одевшись потеплей,
И студенистый свет стекает по затылку,
Когда пройдешь насквозь туманный Летний Сад,
И тени милые со всех сторон летят...

х х х

Едва ли не с начала сентября
На парки опускается заря,
И чувствует озябнувший прохожий —
Проникновенье осени в гортань,
Когда ее оттоенный янтарь

Надолго поселяется под кожей.

Вся осень згустком кажется одним,
А воздух — в ней основа. Недвижим,
Вдыхается с медлительной болью,
И стягивает горло горький сок
Небес, свисающих над кромкою лесов,
И неба полого, стоящего над полем.

Когда всю глубину его вберешь,
Вороны обрываются с берез,
Кричат протяжно, кружатся в истоме...
Но луч блеснет — и виден парк насквозь —
Жемчужный, ветхий, барственный кость,
Мерцающий на мокром черноземе.

х х х

Век можно провести, читая Геродота.
То скифы персов бьют, то персы жгут кого-то,
Но выцветает кровь. В истории твоей
Оливы шум, крестьянский запах пота.

Мельчает греков грубая семья,
Спешит ладья военная в Египет.
Мы горечи чужой не можем выпить,
Нам только имена как стерни от жнивья,
А посох в те края на камне выбит.

И где она — земля лидийских гордецов,
Золотоносных рек и золотых полотен,
Где мир — в зародыше, где он еще так плотен,
Где в небе ходит кровь сожженных городов,
Где человек жесток, и наг, и беззаботен.

СТИХИ СЫНУ

1

Вечерней влагою полна листва,
На лбу-невидимая паутина ...
Легко и сонно падают слова,
Которыми укачиваю сына.

Едва пошевелюсь, как тень моя
Скользит через дорогу. Там соседи
На лавке. Льется жизнь через края
В томительной и стройной их беседе.

Младенец спит. Он сыт и невесом.
Он муравьям рассыпал погремушки.
Настал тот час, когда особый сон
С усталым телом сращивает душу
Бессмертную...

В траве ворчит гусак,
Сползает паутина на ресницы.
Хозяин в доме. Ночь на небесах,
И хлебный ангел всей деревне снится.

2.

Хлебный ангел, ангел снежный, ангел, занятый косьбой -
Все три ангела, три ангела кружатся над тобой,
Опускаются, хлопочут, целый день снуют вокруг.
Точно крылья разноцветные раскрыты на ветру.

Хлебный ангел месит тесто, затевает пироги,
Целый день слышны у печки его легкие шаги,
Хохолок мелькнет пшеничный, локоть выпачкан в соли.
Ставит квас, качает люльку, чтобы мальчик не болел.

Ангел жатвы и покоса проживает на дворе,
У него лицо и руки облупились на жаре.
Косит сено, возит просо, из рожка поит телят,
Его очи голубые ночью в небесах горят.

Белый ангел, ангел снежный, холоднее родника,
Твой высокий трубный голос так понятен старикам,
Что за речи на рассвете ты усталым говоришь?
Чистым снегом засыпаешь, чистой памятью даришь.

Вслед за травами и хлебом наступает время сна —
Свет и холод, даль и небо, расщепленные до дна;
Слабый шелест, сладкий голос, ангел леденее льда...
Врачеванье легкой болью — всех потерь, всего труда.

СТЕПЬ ПОД АСТРАХАНЬЮ

Сиротской материей в уздах — в буграх степь.
Стерплю ли легкий проезд невесть куда,
Или споткнется конь — потечет руда
Из тесноты — по тележной оси —

В степь.

Какой это стан тебя выткал — ни дыр, ни ран,
К самому морю свесилась — грубый плат.
Один орел — ковылей твоих партизан.
Во всю ширину степи отворяет взгляд.

И сколь по задумке простор твой матер и прост,
Столько богато небо — коверный край,
Узорочье счастье. Ночью светло от звезд.
Над сухоматью Руси — персианский рай.

Пери голубоокой манит восход рука,
Катит на закат губатая голова...
Тука бараньего, легкости мотылька,
Люлек казацких — сколько таит трава.